

УДК 902.2; ББК 63.4(2); DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2023.206>

Н. И. Платонова

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛАДОГА В КОНТЕКСТЕ ВАРЯЖСКОЙ ЛЕГЕНДЫ: РЕВИЗИЯ ИСТОЧНИКОВ И ИНТЕРПРЕТАЦИЙ*

В настоящее время можно считать установленным: ядро Начальной летописи (так называемое Древнейшее сказание), составленное не позднее начала XI в., представляет собой очерк истории Русской земли от основания Киева до крещения Владимира, основанный на устном предании¹. Однако само понятие «устное предание» требует конкретизации. В него входят: 1) *сюжетные эпические предания*, широко известные

* Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-18-00515 «Формирование ранней городской структуры и культурного ландшафта Северной Руси на материале археологического комплекса Старой Ладogi» в Институте истории материальной культуры РАН.

¹ См., например: *Гиппиус А. А.* До и после Начального свода: Ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках: Археологическая панорама.* М.; Вологда, 2012. С. 54.

современникам и их потомкам по устным пересказам и песенному исполнению; 2) *местные топонимические предания*, сохранявшиеся в узких географических контекстах; 3) *родовые предания*, актуальные для узкого круга родичей. Русская эпическая традиция раннего средневековья представляла собой основной культурный механизм закрепления исторической памяти в социуме. Она избирательно сохраняла для потомков то, что однажды вошло в состав сюжетного, связного героического повествования о прошлом, служившего современникам, как для развлечения, так и для назидания. Все, о чем *не* складывалось таких сказаний, стиралось из народной памяти очень быстро.

Возможность длительного сохранения в устной передаче отрывочных данных и деталей, не связанных с сюжетными сказами, была ничтожной. В редких случаях, когда в Начальной летописи мы сталкиваемся с такими изолированными сообщениями, они неизменно восходят ко второй группе устных источников — местным топонимическим преданиям, актуализированным по политическим причинам и в силу этого попавшим в летопись. Детали ландшафта, курганы, поселения, памятные камни и пр. служили для старожилов «зарубками на память». В летописи имеются прямые ссылки на информацию такого рода, по формуле: «...и есть могила его / ее (варианты: места охот / села / погосты и т. д.) там-то до сего дня». Подобные привязки могли быть истинными, но чаще — вторичными.

В основе немногочисленных известий о Ладоге IX–X вв., содержащихся в Начальной летописи, просматриваются как эпические, так и топонимические предания. Первое известие обнаруживается в списках ПВЛ ипатьевской традиции² под 862 г. — в тексте Варяжской легенды «ладожского» извода. Второе упоминание Ладоги содержится в НПЛМ под 922 г. — в сообщении о смерти князя Олега Вещего и его могиле, сохранившейся там. Как будет показано ниже, политическая актуальность обоих известий в историческом контексте XI – начала XII в. прослеживается отчетливо.

Указанный исторический контекст реконструируется на основе аутентичных источников, содержащих прямую информацию о Ладоге — в первую очередь, летописных записей анналистического характера за период 1100–1110-х гг.

ВАРЯЖСКАЯ ЛЕГЕНДА: ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Текст Варяжской легенды в ПВЛ разорван надвое. Под 6367 (859) г. говорится о дани, которую брали с народов Северо-Запада «варяги из Заморья», далее следуют два пустых года и, наконец, под 6370 (862) г. сообщается об изгнании варягов, последующей междоусобной войне и призвании нового князя³. В НПЛМ под 6362 (854) г. о призвании князя сообщается более кратко, а стольным городом Рюрика изначально выступает Новгород⁴. В списках ПВЛ лаврентьевской традиции упоминания Ладоги и сообщение об основании «городка над Волховом» отсутствуют. Название города, куда приходит княжить Рюрик, оказывается пропущенным⁵. Но вряд ли можно сомневаться, что здесь, как и в НПЛМ, представлена «новгородская версия» событий.

² Ипатьевский, Хлебниковский, Радзивилловский, Московско-Академический списки.

³ ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 14–15.

⁴ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 106–107.

⁵ Гиппиус А. А. Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 213–214.

Согласно концепции А. А. Шахматова, поддержанной и уточненной целым рядом исследователей, текстологически первичной является «новгородская» (лаврентьевская) версия. Лингвистический анализ, произведенный А. А. Гиппиусом, подтвердил, что этот первоначальный вариант входил в состав древнейшего нарративного ядра летописного текста, составленного на рубеже X–XI в.⁶ Указание на Ладогу, как первую резиденцию Рюрика, было внесено в ПВЛ одним из редакторов. Этот человек лично посетил Ладогу в 1114 г. и услышал там местное предание, в котором излагалась своя версия событий⁷.

Дискуссия о том, какое чтение является первичным — «ладожское» или «новгородское» — в науке не прекращается⁸. Стоит обратить внимание, что история текстов зачастую отождествляется исследователями с реальной историей. Ученые, отстаивающие первичность ипатьевской традиции, как правило, уверены, что тем самым они обосновывают историческое первенство Ладоги и ее государствообразующие функции в регионе⁹. Признавая данную традицию не просто первоначальной, но абсолютно правдивой, коллеги тем самым приписывают автору текста высшее, истинное знание о том, что происходило на Руси лет за 100 до его рождения. Было бы очень интересно узнать, из каких источников он его почерпнул? Зеркальным образом сторонники текстологической первичности новгородской версии нередко усматривают в этом гарантию ее соответствия историческим фактам. Такая позиция представлена, к примеру, в недавно опубликованной обширной работе М. И. Жиха, где предпринята попытка решить «Новгородско-Ладожскую альтернативу» чисто текстологическим путем¹⁰.

Против отождествления истории текстов с реальной историей убедительно высказался А. А. Гиппиус: «Наивно было бы думать, что редактирование Начальной летописи заключалось лишь в тенденциозном искажении изначально достоверных рассказов. Зачем отказывать древнему историку в способности уточнить на основе открывшихся ему новых источников картину прошлого...»¹¹. В более поздней работе ученый определил свою позицию так:

«Из двух вариантов рассказа о Рюрике первоначален в плане истории текста “новгородский” вариант, тогда как более адекватной исторической реальности является “ладожская” версия.

⁶ Гиппиус А. А. До и после Начального свода... С. 54.

⁷ Гиппиус А. А. 1) К проблеме редакций Повести Временных Лет // Славяноведение. 2007. № 5. С. 23–25, 33–36, 41–42; 2) Новгород и Ладога... С. 214–219.

⁸ Библиографию проблемы и изложение сути дискуссии см.: Гиппиус А. А. 1) К проблеме редакций Повести... С. 20–44; 2) Новгород и Ладога... С. 213–220; Жих М. И. О соотношении «новгородской» и «ладожской» версий сказания о призвании варягов в начальном русском летописании // Вестник «Альянс-Археон». Вып. 24. 2018. С. 3–44.

⁹ Мюллер Л. Понять Россию: Историко-культурные исследования. М., 2000. С. 174–175; Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: Связующие пути и организующие центры: VI чтения памяти А. Мачинской. СПб., 2002. С. 5–37.

¹⁰ Жих М. И. О соотношении «новгородской» и «ладожской» версий... С. 18–44.

¹¹ Гиппиус А. А. Новгород и Ладога... С. 217–218. — Сходная позиция представлена в трудах историков М. Б. Свердлова, В. Я. Петрухина, В. В. Пузанова и др. См.: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 105–120; Петрухин В. Я. Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М., 2014. С. 114. Примеч. 90; Пузанов В. В. От праславян к Руси: Становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб., 2017. С. 239.

Последняя вошла в летопись на заключительном этапе ее формирования, в редакции ПВЛ 1117 г., отразив *аутентичную ладожскую традицию*, с которой составитель этой редакции познакомился во время его поездки на Север. «Новгородский» же вариант восходит к Древнейшему сказанию, *излагавшему историю призвания варяжских князей в эпически-обобщенном виде, абстрагированном от неактуальных для Киева географических подробностей...* (курсив мой. — Н. П.)¹².

Здесь почти все справедливо, кроме одного: топонимическую легенду тоже нельзя воспринимать как однозначную истину, даже если она содержит историческое зерно. Назвав ладожское предание «аутентичной традицией», мы обязаны будем признать, что оно сохранялось неизменным в устной передаче около 250 лет. Такой глубиной исторической памяти не обладали и сюжетные сказы, в которых самая глубокая древность — это деяния третьего-четвертого поколения предков¹³. Вопрос о времени связи ладожского предания с Рюриком представляет собой отдельную проблему. Однако вначале следует рассмотреть проблему хронологии исходного, «новгородского» извода Варяжской легенды.

А. А. Гиппиус склонен считать, что географические подробности, присутствовавшие в тексте Варяжской легенды были просто не актуальны для составителя Древнейшего сказания¹⁴. В этом с ним солидарны и многие оппоненты, по мнению которых Ладога — «далекий и незначительный в политическом отношении город» — не интересовал киевских летописцев¹⁵. Совершенно иную позицию занял Н. В. Лопатин, увидевший именно в географической номенклатуре легенды ключ к уяснению ее хронологии. Ученый поставил целью выявить исторический момент, в который «географическая триада “Сказания” (Новгород, Изборск, Белоозеро. — Н. П.) имела очевидный смысл...»¹⁶. Произведенный им содержательный анализ упомянутой триады показал, что мотивы выбора резиденций, приписанных Варяжской легендой Рюрику и его братьям, полностью выпадают из исторического контекста IX в. и не могут быть осмыслены в его реалиях. Смысл они обретают только в политической обстановке краткого периода новгородского княжения молодого Ярослава Владимировича¹⁷.

Данный период падает на первую половину 1010-х гг., когда Ярослав, переведенный отцом из Ростова в Новгород, столкнулся с проблемами восточных и западных рубежей Новгородской земли. На западе оплотом его власти стал город Изборск на псковско-чудском пограничье. Именно в начале XI в. там сооружается новый Детинец¹⁸. На востоке

¹² Гиппиус А. А. До и после Начального свода... С. 62.

¹³ Примером может служить «Слово о полку Игореве», созданное в 1180-х гг. Самые древние упомянутые в нем события (поединок Мстислава с Редедей) датируются не ранее первых десятилетий XI в. (то есть отстоят от момента создания песни максимум на 160–170 лет). Еще меньшую глубину исторической памяти демонстрирует само Древнейшее сказание.

¹⁴ Гиппиус А. А. До и после Начального свода... С. 62.

¹⁵ См., например: Жих М. И. О соотношении «новгородской» и «ладожской» версий... С. 27.

¹⁶ Лопатин Н. В. Изборск и Варяжское сказание // РИ. 2016. № 5. С. 133.

¹⁷ Подробный историографический обзор проблематики «триады» городов, упомянутых в первой редакции Варяжской легенды см.: Лопатин Н. В. 1) К этногеографии Сказания о призвании варягов // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура. М.; Вологда, 2015. С. 286–292; 2) Изборск и Варяжское сказание... С. 124–136.

¹⁸ Лопатин Н. В. 1) Некоторые вопросы истории фортификаций раннего Изборска // КСИА. 2012. № 228. С. 217–218; 2) Изборск и Варяжское сказание... С. 135.

Новгородская земля граничила с Шекснинско-Белозерской промысловой зоной — в ту пору главным поставщиком пушнины в древнерусские города. Хотя Белозерье в указанный период тянуло к Ростову¹⁹, на рубеже X–XI вв. туда пошел колонизационный поток с запада, из Новгородской земли²⁰. Основные пути вывоза пушнины также переориентировались на Балтику²¹. Все это провоцировало соперничество Новгорода с Ростовом за обладание Белозерьем.

В первые десятилетия XI в. обозначился упадок поступления арабского серебра по Волжскому пути. Соответственно, белозерская дань мехами сделалась для Ярослава необходимым источником пополнения казны²². Передача Борису Владимировичу даней с Ростовской земли больно ударила по интересам его брата. Именно под этим углом следует взглянуть на известные события 1015 г. — отказ князя отдавать в Киев положенную часть дани, угрозу старого Владимира идти на старшего сына войной и сам факт, что, согласно Начальной летописи, Борис незадолго до смерти отца покинул свое княжение в Ростове и находился в Киеве. Вероятно, уже тогда между братьями возник серьезный конфликт.

Н. В. Лопатин связывает особое место Белоозера и Изборска в тексте Варяжской легенды с идеологическим обоснованием борьбы за автономию Новгорода от Киева, которую вел Ярослав в 1014–1015 гг.²³ Это предположение справедливо, с одной лишь оговоркой: борьба велась не за автономию, а за ресурсы, в преддверии неизбежной утраты. С той же целью в 1014–1015 гг., князь выпускает в Новгороде серию монет «Ярославле сребро» большого веса²⁴. В условиях реального дефицита серебра это был чисто пропагандистский прием, направленный на укрепление собственного имиджа и идеологическую подготовку дальнейшей борьбы.

Все изложенное не оставляет сомнений в том, что Варяжская легенда (в устном, а, возможно, и в письменном варианте) могла быть создана только в Новгороде и только при дворе Ярослава. Произошло это не позднее 1014–1015 гг. Если допустить, что киевское Древнейшее сказание возникло еще при Владимире (то есть до 1015 г.), то включение в него Варяжской легенды могло иметь место в период «двоевластия» Ярослава с Мстиславом Черниговским. В те годы Ярослав, хотя и получил киевский стол, но, опасаясь брата, предпочитал сидеть в Новгороде, а в Киеве держал наместников.

¹⁹ Подробнее см.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 179; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 59.

²⁰ Об этом см.: *Макаров Н. А.* 1) Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. С. 166; 2) К истории формирования ростово-суздальских владений на Севере // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура. М., 2009. С. 103–106.

²¹ *Лопатин Н. В.* Изборск и Варяжское сказание... С. 136.

²² *Ляхницкий В. Н.* О конфликте князя Владимира с Ярославом // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 99–101.

²³ *Лопатин Н. В.* Изборск и Варяжское сказание... С. 138.

²⁴ *Гайдуков П. Г., Калинин В. А.* Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 431.

Именно Новгород претендовал на роль «матери городов русских», по версии Варяжской легенды. Согласно ей, новгородский князь Рюрик свободно распоряжался на правах верховного сюзерена всеми соседними территориями, включая земли Полоцка и Ростова. Спорные границы новгородских владений, маркированные Изборском на западе и Белоозером на востоке, подавались, как якобы установленные предками в стародавние времена²⁵. Политическая актуальность такой постановки вопроса сходит на нет после смерти Мстислава Черниговского (1036 г.). С этого момента «автономия» Новгорода становится Ярославу невыгодной, а территориальные споры на ростовско-новгородском пограничье теряют остроту. Тем не менее географическая номенклатура первоначальной Варяжской легенды в неизменном виде переходит в Начальный свод и новгородскую летопись.

ВАРЯЖСКАЯ ЛЕГЕНДА: ЖАНР И ИСТОЧНИКИ

Уяснив время создания Варяжской легенды, вернемся на новом уровне к вопросу о жанре и источниках этого произведения. В литературе не раз звучало предположение о фольклорном происхождении данного летописного рассказа²⁶, однако по содержанию он мало напоминает переложение героической песни.

При сравнении текста с другими летописными рассказами о первых князьях, в глаза бросается сухость изложения и отсутствие героического начала. Сообщества воюющих «родов» словен, кривичей, мери и др. никак не персонифицированы. Сам призванный князь и его братья — начисто лишены индивидуальных черт. Отсутствуют детали, которые можно было бы считать фольклорными по происхождению. Даже знаменитая речь, вложенная в уста послов: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжить и володѣти нами», носит явно книжный характер и представляет собой парафраз формулы призвания Константина и Мефодия к дунайским славянам в Моравию: «Земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы наказалъ и поучалъ насъ»²⁷.

Зато разбор кризисной ситуации, сложившейся в «многоплеменном» регионе Северо-Запада, осуществлен в тексте вполне исчерпывающе. Причины и последовательность событий, которые привели к необходимости призвания законного князя, изложены логично и жестко. При этом предложено приемлемое (для своего времени) решение вопроса о том, откуда пошла «русь» (на который люди XI в., причислявшие себя к этой самой руси, конечно, не знали ответа). А вопрос-то был архиважный, с учетом практической необходимости управлять обширными территориями с разнородным населением.

Изначально связав истоки русской идентичности с пришельцами, представлявшими собой профессиональных и легитимных, по средневековым понятиям, носителей

²⁵ Лопатин Н.В. Изборск и Варяжское сказание... С.138.

²⁶ См., например: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 44–57; Мельникова Е. А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлении древнерусских летописцев XI – начала XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 47–75.

²⁷ Петрухин В. Я. Призвание варягов и кирилло-мефодиевская традиция // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 13.

власти, ученый автор утверждает в этой роли все современное ему этнополитическое сообщество *русь*. В Ипатьевском (редакторском) варианте использованы даже избыточные аргументы: приведен список народов по берегам Балтики, в который вставлена новоявленная «русь» Рюрика. Все это позволяет рассматривать данный текст именно как «ученое рассуждение», близкое по жанру «этнографическому введению» ПВЛ. В основе своей оно было создано светским, очень информированным человеком начала XI в. и отчетливо преследовало политические цели.

Можно допустить, что Варяжская легенда отчасти опиралась и на устное родовое предание потомков Игоря Старого. Но в этом случае на момент записи от него оставались в памяти лишь самая общая канва да имя князя — Рюрик (др.-шв. и др.-датск. *Rørik*; др.-сев. *Hrǫrekr*).²⁸ Никакими конкретными сведениями о Рюрике — его происхождении и подвигах — автор явно не располагал и честно не выдумывал лишнего. И все же у него были основания как-то связывать имя Рюрика с родовым преданием русских князей. Приписать родоначальнику династии имя, полностью отсутствующее в княжеском именовании X – первой трети XI в. — тут нужна была реальная уверенность в своей правоте.

Фантастические имена братьев Рюрика (не существующие ни в одном языке мира!)²⁹ тоже попали в текст явно неслучайно. Выдумать *такое* попросту невозможно: сама бессмысленность результата свидетельствует о субъективной добросовестности автора. Вероятно, в основе лежал источник, в подлинности которого он не сомневался — хотя не вполне понимал его смысл.

Таким источником могла быть руническая надпись, упоминающая Рёрика или Хрёрека³⁰, или строфа скальдической песни — перенасыщенный кеннингами и символикой текст, малопонятный для человека, не являвшегося носителем древнесеверного языка. А уж если в указанном тексте фигурировали какие-то не названные по именам братья, тогда вовсе неудивительно, что «этикетную формулу» приняли за перечисление их имен³¹.

Предположив, что автор был вынужден отталкиваться от источника подобного рода и не имел возможности дополнить его другими сведениями, мы вынуждены признать: к моменту записи Варяжской легенды на Руси практически не оставалось памяти о Рюрике, кроме его имени, сохраненного глухим преданием. Возможно, утрата детальной генеалогической информации объясняется переходом русской знати скандинавского происхождения на славянскую речь. В этом случае родословные цепочки, опиравшиеся на семейные легенды, и, самое главное, — скальдические стихи, посвя-

²⁸ Николаев С. Л. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 37.

²⁹ Николаев С. Л. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике... С. 48.

³⁰ Такое предположение выдвинуто С. Л. Николаевым, реконструировавшим вариант поминальной надписи на руническом камне, как «грамматически и семантически правильный текст наподобие др.-сев. *sinna hūsa trū vāra* ‘своих / их / его / ее домов надежного защитника’» (Николаев С. Л. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен... С. 48–49).

³¹ Бобров А. и др. Комментарии к Повести временных лет // Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева. СПб., 2012. С. 253.

щенные предкам, быстро становились малопонятными и забывались. Другой причиной забвения могли стать бурные события второй половины X в., уничтожившие память о тех, кто играл на Руси Олега и Игоря ключевые роли³².

Если наши предположения верны, мы вправе сомневаться не только в хронологии прихода Рюрика в Поволховье (давно признано, что летописные даты событий IX в. сугубо условны), но и в правильности подсчета поколений между ним и Игорем Старым, и даже в наличии между ними прямого родства по мужской линии. В то же время весьма вероятно, что некий потомок Игоря, хорошо знавший родовые предания, почитал своим предком выдающегося вождя по имени Рёрик. Скорее всего, ученого потомка звали Ярославом. Основой информации, на которую он опирался, мог быть скальдический текст, затверженный, как заклинание, но не до конца понятый³³.

ВАРЯЖСКАЯ ЛЕГЕНДА И ЛАДОЖСКОЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРЕДАНИЕ

В заключительной части ПВЛ, представленной в списках ипатьевской традиции, под 1114 г. сохранился такой эпизод:

«...Пришедшо ми в Ладогу повѣдаша ми Ладожане яко сдѣсть, егда будетъ туча велика, находятъ дѣти наши глазки стекляныи. и малыи, и великыи, провертаны. А другыи подлѣ Волховъ берутъ, еже выполоскываеъ вода, от нихъ же взяхъ боле ста; суть же различъ сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: се не дивно; и суть и еще мужи старии ходили за Югрю и за Самоядь, яко видивше сами на полуношныхъ странахъ спаде туча и в тои тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена и възрастъши, и расходится по земли; ... сему же ми естъ послухъ посадникъ Павель Ладожкыи и вси Ладожане. Аще ли кто сему вѣры не иметь, да почтеть Хронографа... [далее следует обширный текст, с примерами падения с неба различных предметов, и о законодателе Свароге в Египте]»³⁴.

Как видно из текста, память ладожан о прошлом своего города была неглубока. В 1114 г. никто уже не помнил, откуда в земле после дождя берутся стеклянные бусы. Между тем, обмен ярких «глазков» на меха лежал в основе многих даннических схем в пору наивысшего расцвета города³⁵. Еще в X в. «глазки» являлись массовым привозным товаром. А в первой половине IX в. в Ладоге функционировало их производство. Но к началу XII в. все это оказалось так прочно забыто, что люди верили: «глазки» падают с неба...

С другой стороны, в Ладоге, служившей морскими воротами Руси и окруженной, вдобавок, грандиозным некрополем, вполне могли сохраняться глухие предания о князьях, являвшихся «из-за моря», ходивших потом в походы и, возможно, похороненных в курганах. Вот только история многократно показывала: в подавляющем большинстве

³² Платонова Н. И. Договоры Руси и Византии и социальные верхи русского общества X века // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 164–168.

³³ Если бы надпись на поминальном камне, упоминавшая Рюрика, возможное существование которой гипотетически предполагает С. Л. Николаев, сохранялась именно в Ладоге, это позволило бы считать ладожское топонимическое предание действительно аутентичной традицией. Но, с учетом того, что ИЛ сообщает об уходе князя из Ладоги в новый городок, построенный над Волховом, и не упоминает никаких памятников, посвященных ему, в самой Ладоге, данное предположение маловероятно.

³⁴ ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 277–278.

³⁵ Платонова Н. И. Проблемы становления города в Северной Руси: История и современное состояние // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2. С. 124–125.

случаев привязки топонимов, могильных памятников и т. д. к известным личностям и событиям не оставались неизменными на протяжении веков. Они забывались и подвергались вторичному осмыслению, на основе информации, занесенной в эти места позднее и актуализированной в другую эпоху³⁶. Нет оснований считать, что в Древней Руси дело обстояло не так.

Информацией, породившей связку ладожского топонимического предания с именем Рюрика, вполне могла стать сама Варяжская легенда изначального, «новгородского» извода. Рассказ о призвании в Новгород прародителя княжеской династии, включенный в Начальную летопись за 70–80 лет до посещения летописцем Ладоги, к 1110-м гг. успел стать краеугольным камнем представлений древнерусской элиты «о времени и о себе». Не случайно в 1040-х гг. Рюриком был наречен правнук Ярослава Мудрого по старшей линии, первый внук Владимира Ярославича Новгородского — в ту пору прямого наследника отца. Как уже говорилось выше, до того ни единого Рюрика в княжеском именовании не было³⁷.

Знатный ладожанин, обученный грамоте и усвоивший азы Начальной летописи, мог полагать, что призванный из-за моря князь попал в Новгород *через Ладогу*. Контаминация книжного предания, содержавшего имя Рюрика, и обрывков ладожских топонимических легенд о «старых князьях», ходивших в походы вглубь страны, в данном случае диктовалась элементарной логикой. Напротив, сохранение в памяти ладожан топонимической легенды о подлинном Рюрике на протяжении около 250 лет вряд ли правдоподобно.

«ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ» И ПРОБЛЕМА КНЯЖЕНИЯ В ЛАДОГЕ

В последние десятилетия в литературе стал привычным тезис С. Л. Кузьмина о том, что в начале 840-х гг. в Ладоге случился пожар, после которого власть там захватила группа норманнов³⁸. Данное утверждение стоит принимать с осторожностью. Такие scrupulous исследователи стратиграфии Ладоги, как Г. Ф. Корзухина³⁹ и О. И. Дави-

³⁶ Во многих старинных деревнях Северо-Запада еще в 1970-х гг. находились старожилы, связывавшие основание своей деревни непременно с Петром Великим, а близлежащие древнерусские курганы XII–XIII вв. — со «шведами» и «литвой» (личные наблюдения автора). В Ладоге примером формирования «вторичной» топонимической легенды на базе книжной традиции XIX в. служит наименование огромной «Полой сопки» на левом берегу Волхова «Олеговой могилой». Новгородское Городище у истока Волхова по той же причине стало называться «Рюриковым» — не ранее начала XIX в.

³⁷ Мельникова Е. А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 70; Пчелов Е. В. Происхождение древнерусских князей от Рюрика: Устная традиция или летописная конструкция? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011. Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 430; Лопатин Н. В. Изборск и Варяжское сказание... С.136.

³⁸ См., например: Кузьмин С. Л. Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни? // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003. С. 52.

³⁹ См.: Корзухина Г. Ф. Ладожские постройки горизонта E₃ // НА ИИМК РАН. Ф. 77. № 69. 1969; Новое в археологии Старой Ладоги... 2018. С. 53–56.

дан⁴⁰, с уверенностью писали о следах не двух, а одного разрушительного пожара в горизонте E₂, который соответствовал не нижней, а верхней его границе. После раскопок Е. А. Рябинына уровень этого пожара был соотнесен с периодом между 863 и 870 г.⁴¹

Тем не менее, в период 840–860-х гг. на Ладожском поселении, действительно, имеются яркие свидетельства присутствия носителей скандинавской культуры. Если обратиться к нумизматическим источникам, картина получается следующая. Ильмень-Волховский регион служил важной транзитной зоной, через которую на север шел поток серебра из стран Исламского Востока. «Часть серебра оседала здесь, другая же транзитными водными путями попадала в страны Северо-Западной Европы»⁴². В частности, распространение восточных монет происходило по направлению: верховья Волги и Мологи — бассейн Ильменя — Волхов⁴³. Согласно В. С. Кулешову, в 810–890 гг. «система торговых походов и водных путей» уже вполне сложилась. Она выстраивала связь русских «поселенческих и дружинных центров» с Хазарией, Волжской Булгарией, Прикамьем и т. д. Далее торговый путь шел в Прикаспийские области — вплоть до Табаристана и центральных провинций Халифата⁴⁴.

Однако на разных «рукавах» Волго-Балтийского пути и на разных временных отрезках ситуация с монетным обращением заметно различалась. Особенно рельефными представляются изменения количества и состава нумизматических находок, имевшие место во второй четверти IX в. в нижнем Поволжье и конкретно на территории Староладожского археологического комплекса. В период с середины VIII в. до 825 г. здесь выпало в землю не менее десятка кладов сасанидских и куфических монет⁴⁵. Имеется много находок отдельных дирхемов, а также значительные по объему сокровища (Княщина). Зато последующий отрезок 825–859 гг. характеризуется почти полным исчезновением монет, как в самой Ладоге, так и на прилегающих территориях Ильмень-Волховского бассейна.

По подсчетам И. В. Петрова, в указанный период количество выпавших в слой монетных находок оказалось «...в 30,2 раза меньше показателей второй половины 800-х – первой половины 820-х гг.»⁴⁶. В Ладоге к этому времени относится только один

⁴⁰ См.: *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. Вып. 17. Л., 1976. С. 101–118.

⁴¹ *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного Городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 91.

⁴² *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII – X в. // ВИД. Т. VIII. Л., 1976. С. 95–96.

⁴³ *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути... С. 95–96.

⁴⁴ *Кулешов Вяч. С.* Периодизация монетного обращения середины VIII – начала XI в. в Восточной Европе и динамика экономических связей древнейших русских дружин // Управленческое консультирование. № 2. 2016. С. 175.

⁴⁵ Данные о нумизматических находках Староладожского археологического комплекса приводятся по: *Корзухина Г. Ф.* Нумизматика. Выписки из источников // НА ИИМК РАН. Ф. 77. № 57; *Кирпичников А. Н.* Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Древняя Русь: Новые исследования. СПб., 1995. С. 28–53.

⁴⁶ *Петров И. В.* Социально-политическая и финансовая активность на территории Древней Руси VIII–X вв.: Дисс. ... д-р ист. наук. СПб., 2006. С. 122.

небольшой клад (1938 г.), датируемый по младшей монете 846/847 г. и представлявший собой россыпь из 5 целых и 18 обломков дирхемов⁴⁷. Подобная ситуация характерна исключительно для Ильмень-Волховского денежного рынка, в то время, как на соседних — Верхневолжском, Волго-Вятско-Камском и Западно-Двинском — во второй четверти IX в. «клады не только встречаются, но подчас достигают весьма значительных размеров»⁴⁸. И. В. Петров, отметивший эту особенность, объясняет ее тем, что «происходил значительный отток денежных средств в форме военной добычи и дани... в руки варягов-захватчиков. Наибольший урон понес при этом Волховско-Ильменский денежный рынок. В результате снижается торговая активность на северо-западе, уменьшается как количество кладов, так и размер состояний»⁴⁹.

Справедливо ли такое прямолинейное заключение, покажут дальнейшие исследования. Не следует забывать, что выпадение кладов — это не только показатель богатства. Клады зарывались и оставались невостребованными, в первую очередь, в периоды потрясений, когда их владельцы погибали или теряли возможность вернуться за своим сокровищем. Тем не менее, нельзя исключать, что в период, предшествовавший 860-м гг., мир в Ильмень-Волховском регионе держался на жестком принуждении, а серебро вывозилось «за море» в особо большом количестве.

В этой связи представляет интерес следующий факт: во второй трети IX в. в горизонте E₂ на Земляном городище Ладоги исчезает мастерская по изготовлению украшений из стекла/янтаря, стабильно использовавшихся ранее для обмена на пушнину. Стеклодельное производство, обращенное на внутренний, восточноевропейский рынок, существовало в Ладоге с VIII в.⁵⁰ Его прекращение, действительно, может указывать на определенные изменения в организационной сфере. Возможно, «мягкую силу» в деле сбора пушнины сменило жесткое принуждение? Если так, неудивительно, что взаимоотношения постепенно накалялись.

Летописная хронология событий «привзвания» неточна по определению. Однако сейчас мы располагаем совершенно точной датой строительства укреплений на Новгородском (Рюриковом) городище — том самом «городке над Волховом», который якобы «срубил» Рюрик, уйдя из Ладоги в Приильменье. В 2021 г. О. А. Тарабардиной впервые была разработана и введена в научный оборот дендрощкала Новгорода по ископаемому дубу. Оказалось, что дубовые бревна, использованные при строительстве крепостных

⁴⁷ Стратиграфическая ситуация этой находки неоднозначна. По уровню залегания монет можно предположить, что клад был впущен из горизонтов второй половины или даже последней четверти IX в., что не вполне соответствует его датировке по младшей монете. См.: Давидан О. И. Стратиграфия нижнего слоя... С. 115. — Нельзя исключать, однако, что емкость, вмещавшая сокровище, была в древности случайно перемещена на более высокий уровень (например, при выравнивании пожарища под новую застройку), в ходе чего монеты и оказались рассыпаны. См.: Новое в археологии Старой Ладоги... 2018. С. 35, примеч. 4.

⁴⁸ См.: Петров И. В. Социально-политическая и финансовая активность... С. 124.

⁴⁹ Петров И. В. Социально-политическая и финансовая активность... С. 123.

⁵⁰ Ryabinin E., Galibin V. New data about the early bead making in Ladoga // Glass Beards. Cultural History. Technology: Proceeding of the Nordic Glass bead seminar 16–18 October 1992. Lejre. Studies in Technology and Culture. Vol. 2. Lejre: Historical-archaeological experimental centre. 1995. P. 109–112.

сооружений Рюрикова городища, были срублены в период с 858 до 861 г.⁵¹ Образец ели из того же горизонта датируется 862 г. Укрепления возводились явно небрежно и непродуманно, в большой спешке⁵². Это обусловило их недолговечность: фортификации быстро пришли в упадок и ни разу не ремонтировались. Хотя жизнь на городище продолжалась достаточно активно, укрепления быстро потеряли актуальность. К рубежу IX–X в. ров сильно заплыл культурным слоем, в нем начали сооружать хлебные печи⁵³. Отметим попутно, что разрушительный пожар в Ладоге случился уже после того, как крепость у истока Волхова была построена.

В последнее время в археологической литературе в очередной раз стала популярной гипотеза о тождестве летописного Рюрика и известного по западноевропейским хроникам конунга Рёрика Фрисландского⁵⁴. На мой взгляд, неожиданное совпадение летописной даты «призвания» с дендродатой строительства крепости над Волховом не подтверждает, а, скорее, разрушает эту красивую версию. Из-за твердой привязки хотя бы одной даты все остальные события оказываются неимоверно спрессованными во времени. А беспрепятственно двигать их взад-вперед по хронологической шкале теперь уже невозможно.

По данным европейских хроник, Рёрик Фрисландский в 857 г. активно действует на Западе. Он принуждает короля данов Хорика II Дитя выделить ему земли между рекой Айдер и морем. Конечно, можно предположить, что через год или два он спокойно оставит свои владения на Балтике и уйдет на восток. Но как быть тогда с очередным известием хроники о том, что уже в январе 863 г. этот конунг-викинг отправляется в грабительский поход вниз по Рейну?⁵⁵

В последующие годы Рёрик не раз проявляет себя на Западе. Он участвует в переговорах с императорами франков Карлом Лысым (870 и 872 гг.) и Людовиком Немецким (873 г.).⁵⁶ Какой же срок был отведен ему на устроение дел на Руси и создание необходимого «наряда»? 2–4 года? За это время, конечно, можно было выстроить одну-две дерево-земляных крепости, вот только зачем? Чтобы тут же оставить их предполагаемому противнику? Или, быть может, приведя свою дружину («всю русь») на Восток, Рёрик затем решил вернуться на Запад уже *без этой дружины?*.. Это мало правдоподобно. И уж совсем наивно будет считать, что в столь краткий срок им и его

⁵¹ *Хвоцинская Н. В.* Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // Археологические вести. 2021. № 33. С. 119.

⁵² *Хвоцинская Н. В.* Укрепления Рюрикова городища... С. 119.

⁵³ *Плохов А. В.* Новое в изучении «хлебных» печей Рюрикова городища // АВ. 2021. № 31. С. 41–51.

⁵⁴ В конце XX в. эту гипотезу наиболее детально аргументировал Г. С. Лебедев. В настоящее время ее активно развивает О. Л. Губарев. См: *Лебедев Г. С.* 1) Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985; *Губарев О. Л.* К вопросу об идентичности Рюрика и Рорика Фрисландского // *Valla*. Том 2. № 4–5, 2016. С. 9–25 (там же историография проблемы); 2) Структура власти на Руси в IX в. и «фризские даны» // *Stratum plus*. 2018. № 5. С. 155–167; 3) Рюрик Скъьльдунг. СПб., 2019.

⁵⁵ *Лушин В. Г.* Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: Контексты летописных текстов. Зимовники, 2016. С. 17.

⁵⁶ *Губарев О. Л.* Структура власти на Руси в IX в. и «фризские даны» // *Stratum plus*. 2018. № 5. С. 159.

мужами могли быть заложены основы государственного устройства Руси. Переломный характер периода конца 850-х — 860-х гг. в Ильмень-Волховском регионе представляется несомненным. Но вряд ли эти события связаны напрямую с Рёриком Скъельдунгом.

В то же время наличие княжеского стола в Ладоге конца IX — первой половины X в. представляется вполне вероятным. Сам факт, что общерусская летопись начала XII в. (ПВЛ ипатьевской традиции) прямо сообщает о *княжении* Рюрика в Ладоге (пусть недолговременном!), весьма показателен. ПВЛ была рассчитана на грамотных современников, на тогдашнюю русскую элиту, куда входили и новгородские вельможи князя Мстислава Владимировича. Вряд ли кому-то в то время могло прийти в голову сообщать что-то совсем неправдоподобное о прошлом подведомственного им края. В этой связи необходимо проанализировать сообщение НПЛМ: «В лето 6430 (922). Иде Олегъ к Новгороду, и оттуда в Ладогу. Друзии же скажутъ, яко идущю ему за море, и уклону змиа в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозь...».⁵⁷

Без сомнений, в основе этого сообщения лежат источники двух типов — сюжетные эпические сказы Олегова цикла, великолепно представленные в ПВЛ, и местное топонимическое предание XI в., связанное с конкретной «могилой» (курганом) в Ладоге, приписываемым Олегу. Отметим, что, в отличие от прочно забытого Рюрика, присутствие которого на Руси остается проблематичным, Вещий Олег представлял собой первого героя отечественной истории, о ком в эпоху Владимира — Ярослава сохранялась живая, яркая устная традиция⁵⁸. Эпическая память о нем не угасала, как минимум, до начала XI в., что, в принципе, не исключает и реальной преемственности в передаче информации о том, кому принадлежала «могила».

В этой связи особый интерес представляет «сопковидный курган», в уроч. Плакун — величественная насыпь высотой более 6 м. Нижний ярус ее содержал погребение по обряду кремации, датируемое первой половиной — серединой IX в. Верхний ярус досыпали не ранее начала X в. В вершине кургана располагалась камерная гробница, разрушенная оползем в 1960-е гг.⁵⁹ Погребальная камера содержала захоронение воина. В промежутке между деревянной стенкой и земляным откосом могильной ямы были открыты останки двух коней. Для настила пола и/или перекрытия использовались корабельные доски с сохранившимися заклепками. По типу заклепок дату погребения пытались сузить до конца IX — первой четверти X в., однако сейчас этот комплекс предпочитают датировать широко — X веком⁶⁰.

Поскольку могила была разграблена, составить точное представление об изначальном количестве инвентаря невозможно. Сохранились отдельные предметы североевропейского и византийского происхождения. Ключевыми моментами являются: 1) обособленное положение кургана по отношению к другим частям некрополя на Плакуне; 2) «удвоение»

⁵⁷ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 109.

⁵⁸ Весьма примечательно, что традиция, воспринятая «Древнейшим сказанием» и восходящая самое позднее к началу X в., несомненно, была славяноязычной — несмотря на более чем вероятное скандинавское происхождение князя.

⁵⁹ Носов Е. Н. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 147–155.

⁶⁰ Михайлов К. А. Погребение воина с конями на вершине плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 105–116.

наиболее дорогого «элемента» погребального инвентаря — верховых коней, стоимость которых, по тем временам, была заоблачной⁶¹.

Обособленное положение больших насыпей в могильнике характерно для наиболее пышных «королевских курганов» Дании (Еллинг, Маммен-Беррингхей и др.). На Руси подобное расположение встречается редко — единичные примеры имеются в могильниках Гнёздово близ Смоленска и Гущино под Черниговом. «Удвоение» элементов погребального обряда «свидетельствует о значимости умершего в погребальной церемонии, и выделяет его из общего числа»⁶². По нашему мнению, нельзя исключить удвоение предметов инвентаря, недошедшего до нас, в материалах сопковидной насыпи в урочище Плакун. Это могло бы сблизить комплекс на Плакуне с погребальными сооружениями высшей элиты Дании эпохи викингов. Обращает на себя внимание и сходство в деталях устройства могилы с курганом в Бусдорфе, близ Хедебю, который связывают с королем Ютландии Харальдом Клаком⁶³.

Пожалуй, есть все основания считать данное погребение не «дружинным», а именно княжеским. Отметим, что и на самом Ладожском поселении в конце IX – первой половине X в. функционирует обширный жилой комплекс, допускающий интерпретацию в качестве «дворца» правителя⁶⁴. Рядом с ним возникает так называемый «квартал ремесленников», скорее всего, представлявший собой место проживания дружинников и/или слуг, слабо связанных с сельским хозяйством и, видимо, кормившихся «из руки» своего господина. Только это могло позволить данному контингенту заниматься, по преимуществу, ремесленным производством, которое еще не имело стабильного, массового сбыта и не могло прокормить мужчину с семьей. Между тем, насельники «ремесленного квартала» явно были людьми не бедными⁶⁵. Социальные конструкции такого типа известны по материалам скандинавских саг⁶⁶.

Было бы соблазнительно связать известие НПЛМ о могиле князя Олега в Ладоге именно с описанным погребением. Хронология памятника тому не противоречит⁶⁷. Конечно, это только гипотеза. Но сам факт наличия в Ладоге XI – начала XII в. топонимического пре-

⁶¹ Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX – начала XI века в контексте североамериканских аналогий. СПб., 2016. С. 163–164.

⁶² Михайлов К. А. Погребение воина с конями... С. 112.

⁶³ Губарев О. Л. Между язычеством и христианством: камерные погребения в империи франков, Хедебю и Старой Ладоге // *Novogardia*. № 1. 2021. С. 29. — Отметим попутно, что типологическое сходство погребений правителя Ютландии из рода Скьельдунгов (Харальда Клака) и представителя ладожской элиты на Плакуне наводит на мысль об их родстве. Какая-то связь между этим знатнейшим родом Северной Европы и правителями Верхней Руси, действительно, прослеживается. Возможно, автор Варяжской легенды сознательно стремился связать русскую княжескую династию с этим королевским домом. Насколько соответствовала реалиям выстроенная им генеалогическая конструкция — другой вопрос.

⁶⁴ Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя... С. 91–93.

⁶⁵ Давидан О. И. К вопросу об организации косторезного ремесла в древней Ладоге // АСГЭ. Вып. 18. Л., 1977. С. 105.

⁶⁶ Платонова Н. И. Старая Ладога // *Православная энциклопедия*. Т. 16. М., 2022. С. 40–41.

⁶⁷ Попытка трактовать указанное погребение, как могилу Рюрика, наталкивается, в первую очередь, на хронологические несоответствия (ср.: Губарев О. Л. 1) Между язычеством и христианством... С. 29; 2) Структура власти на Руси... С. 162–163).

дания, приписывающего некое ладожское погребение *верховному правителю Руси*, вряд ли случаен. Видимо, память о статусе стольного города, присущем Ладоге в старину, и «старых князьях», лежащих в курганах, в указанный период еще жила в головах и ладожан, и новгородцев. Скандинавские саги также доносят до нас память об Альдейгьуборге как *княжеском* городе, где вершились события, ключевые для судеб региона.

ЛАДОЖСКИЙ ИЗВОД ВАРЯЖСКОЙ ЛЕГЕНДЫ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА НОВГОРОДА НАЧАЛА XII ВЕКА

Решая вопрос о происхождении «ладожских» дополнений к Варяжской легенде и справедливо указывая на их связь с местным топонимическим преданием, ученые-филологи обычно не задаются вопросом о *причинах актуализации* этого предания именно в 1110-х годах. Между тем, анализ политической обстановки в Новгороде может служить ключом к смыслу новой редакции, дошедшей до нас в списках ПВЛ и патьевской традиции.

Как уже говорилось выше, главная резиденция великого князя окончательно переместилась на юг Руси не ранее 1036 г. С тех пор на новгородский стол садились, один за другим, старшие сыновья правящего князя киевского, воспринимавшие свое пребывание на севере, как временное, и готовые, при первой возможности, тоже уйти на юг. Новгородцев такое положение явно не устраивало. С середины XI в. наблюдаются их тщетные попытки «укоренить» князя в Новгороде, создать свою династию и обеспечить приоритет интересов Верхней Руси над Южной⁶⁸. Однако, по мере разрастания княжеского рода, для северной аристократии открывались все более широкие возможности лавировать между княжескими группировками. Этим она воспользовалась сполна, став уже в XII в. вполне самостоятельным игроком на политическом поле. В указанном контексте и следует рассматривать ладожские дополнения к Варяжской легенде.

Для первых десятилетий XII в. мы имеем в НПЛМ и ПВЛ несколько кратких известий о Ладоге анналистического характера:

«В лето 6613 (1105) Поставлени бысть епископи: Лазарь, Мина, Амфилохии⁶⁹. *Того же лета идоша в Ладогу на воину. И погорѣша хоромы от ручья, мимо Славно, до святого Ильи (курсив мой. — Н. П.)*»⁷⁰.

«В лето 6624 (1116) Иде Мьстиславъ на Чюдь с новгородци, и взя Медвижю голову на 40 святых. В то же лето Мьстиславъ заложи Новьгородъ болѣи перваго⁷¹. *Того же лета Павел, посадник ладожскыи, заложи Ладогу город камень (курсив мой. — Н. П.)*»⁷².

⁶⁸ У князей, приходивших на новгородский стол, в XI в. упорно брали обещание не переходить в другой город и остаться пожизненно. Но единственным, кто не нарушил эту клятву, стал Владимир Ярославич — и то лишь потому, что скончался раньше своего отца. Практика «удержания» князей в Новгороде стала не актуальной и прекратилась в середине XII в., когда новгородская знать научилась лавировать между разными княжескими кланами и присвоила себе значительную часть княжеских прав.

⁶⁹ Имеются в виду Лазарь, епископ Переяславский (1105–1118), Мина, епископ Полоцкий (1105–1116), Амфилохий, епископ Владимиро-Волынский (1105–1122). См.: *Фомина Т. Ю.* Русские епископии X–XIII вв.: Становление, развитие: Дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 2020. С. 299, 384, 511, 513, 517).

⁷⁰ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 203.

⁷¹ Имеется в виду Новгородский кремль.

⁷² ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 204.

Параллельное известие о строительстве Ладожской крепости содержится в ПВЛ:

«В лѣто 6622 (1114). ...Се же лѣто Мьстиславъ заложи Новъгородъ болии перваго. *В се же лѣто заложена бысть Ладога каменемъ на приспѣ*⁷³ *Павломъ посадникомъ при князь Мьстиславѣ*... [Далее следует рассказ о посещении летописцем Ладоги и стеклянных «глазках», находимых в земле] (курсив мой. — *Н. П.*)»⁷⁴.

Особенно много вопросов вызывает «война», случившаяся, по-видимому, меж Ладогой и Новгородом в 1105 г. Что это за война, исследователи гадают до сих пор. Ясно одно: конфликт разрешился быстро, и результаты его корректив не потребовали.

С. В. Белецкий, проанализировавший и издавший в 2018 г. полный корпус памятников сфрагистики Ладоги, считал, что версия об ее подконтрольности новгородской администрации в последней трети XI в. «опирается только на историографическую традицию и собственно письменными источниками не подкрепляется»⁷⁵. По его мнению, вплоть до военного столкновения 1105 г. Ладога вообще не входила в юрисдикцию Новгорода, напрямую подчиняясь великому князю. В противном случае, вряд ли возникла бы необходимость брать город под контроль вооруженным путем.

В литературе присутствует и противоположная точка зрения: ряд исследователей отмечают, что сведения саг не дают нам права «...связывать Ладогу непосредственно с Киевом, минуя Новгород»⁷⁶. Да, безусловно, саги и скальдическая поэзия представляют собой важный источник по истории Ладоги XI в. Но отражают они, в первую очередь, события времен Ярослава, причем первой половины его правления, когда великий князь сам находился, по большей части, в Новгороде. Наместники Ладоги (ярлы Рёгнвальд и Эйлив) напрямую подчинялись ему, а не новгородским магистратам.

Саги позволяют заключить: в Ладоге первой половины XI в. существовал особый порядок пребывания там иностранных посольств. Иноземцы пользовались там экстерриториальностью, что говорит о соответствующих полномочиях наместника. Чтобы отправиться дальше вглубь страны, гостям требовались особое разрешение⁷⁷. Вероятно, и после 1036 г., когда главной резиденцией Ярослава снова стал Киев, Ладога не потеряла своего особого статуса. Хотя для решения неотложных практических вопросов ее наместникам, конечно, приходилось обращаться к новгородскому князю — как правило, сыну правящего князя киевского и его законному представителю на Севере.

Можно предполагать, что частая смена князей и векторов политики Киева во второй половине XI в. привели к тому, что статус Ладоги и ее наместников по отношению

⁷³ В ходе строительства 1114 г. площадь Ладожского мыса, на котором строилась новая каменная крепость, оказалась заметно расширена к северо-востоку за счет насыпной части. Вдоль берега р. Волхов в воду была опущена мощная каменная платформа («приспа»), пролитая сверху связующим раствором. На этой «приспе» затем была сооружена восточная крепостная стена. См.: Новое в археологии Старой Ладоги: Материалы и исследования. Т. II. СПб., 2022. С. 90–105.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 277.

⁷⁵ Новое в археологии Старой Ладоги... 2018. С. 408.

⁷⁶ Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 175; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. М., 2012. С. 340.

⁷⁷ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги... С. 420–421.

к Новгороду оказался весьма запутанным. И все же нет оснований считать, что «старина» времен Ярослава была порушена и отменена окончательно. Критически важным, по-видимому, стало другое: в начале XII в. на новгородском столе неожиданно оказался не сын и наследник киевского князя Святополка, а представитель конкурирующего с ним семейства Мономаховичей.

Всего за три года до «странной войны» Новгорода с Ладогой у новгородцев случилась крупная ссора со Святополком Изяславичем. Киевский князь, в полном соответствии с традицией, пожелал видеть на новгородском столе своего сына. Мстиславу Владимировичу, сыну Мономаха, надлежало оставить Новгород и перейти во Владимир. Однако на переговорах в Киеве в 1102 г. новгородские послы проявили неслыханную дерзость:

«“Се мы, княже, прислани к тобѣ, и ркли ны тако: не хотим Святополка, ни сына его. Аще ли 2 главѣ имѣет сынъ твой, то пошли и; а сего ны даль Всеволодъ, а въскормили есмы собе князь, а ты еси шель от насъ”. И Святополкъ же многу прю имѣв с ними, онѣм же не хотѣвшим, поимше Мстислава, придоша Новугороду...»⁷⁸.

Здесь налицо, во-первых, упрек в адрес великого князя Святополка — зачем он когда-то покинул Новгород, нарушив слово остаться пожизненно? Во-вторых — и это главное — прямая угроза новгородцев в адрес великого князя и его наследника так и осталась безнаказанной. Святополк имел с ними «многую прю», но, в конечном счете, не посмел применить силу. Возможно, уверенность послов подогревалась тайным обещанием поддержки, полученным от Мономаха⁷⁹.

Так северная аристократия впервые показала свою силу, отстояв в споре с Киевом своего молодого князя. То, что в дальнейшем эта растущая сила может обернуться против любого из Рюриковичей, включая самого Мстислава Владимировича, видимо, еще не осознавалось князьями всерьез. Далеко вперед они не заглядывали, решая ситуативные задачи. Вот такой задачей и стало силовое утверждение контроля Новгорода над Ладогой, в ущерб киевскому князю. Святополк, недовольный новгородцами, вполне мог предпринять попытку реально восстановить старинный порядок управления Ладогой (и прислать туда для этого нового наместника с дружиной). Если случилось нечто подобное, ответная реакция не заставила бы себя ждать. В 1105 г. Ладога была переподчинена Новгороду военным путем — руками самого Мстислава, при несомненной поддержке его отца.

Видеть Ладогу новгородским «пригородом» на тот момент было выгодно клану Мономаховичей. Ведь в Киеве сидел Святополк, а законным наследником его по лествичному праву считался Олег Черниговский. Зато в Новгороде княжил Мстислав, правая рука отца, и союз между ним и новгородской знатью казался очень крепким.

Данный расчет не учитывал непрерывно растущего могущества новгородской аристократии, которому способствовало соединение в одних руках государственных полномочий по сбору налогов и частного кредитования недоимщиков. Ростовщичество, практикуемое сборщиками, и стало теми «дрожжами», на которых выросли сказочные богатства новгородских боярских патронимий. Уже в конце XI в. в Новгороде появляются выборные посадники из числа местной знати. Тогда же аристократия получает

⁷⁸ ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 276.

⁷⁹ Долгов В. В. Мстислав Великий // ВИ. 2018. № 4. С. 39.

право контроля над государственными доходами и движением земельной собственности.⁸⁰ В результате уже в первые десятилетия XII в. аристократическая верхушка начала открыто соперничать со своим князем. Только этим может объясняться забвение вклада Мстислава Владимировича в грандиозное крепостное строительство Ладоги 1114 г., которое НПЛМ приписала исключительно ладожскому посаднику Павлу. Речь в данном случае шла не только о престиже (как это было бы при строительстве церкви), а о распоряжении военным объектом. Надлежало решить, кто на деле станет хозяином новой крепости и кому будет подчиняться ее гарнизон?

Появление в 1110-х гг. «ладожской» версии Варяжской легенды свидетельствует не просто о появлении у древнерусского историка новой информации, основанной на топонимическом предании, но о высокой актуальности этой информации именно в период составления третьей редакции ПВЛ. Заказчиком новой редакции являлся сам Мстислав Владимирович⁸¹. Это его человек в 1114 г. посетил строящуюся Ладожскую крепость и беседовал с ладожанами о разной старине. Потом, при составлении текста, этот летописец, не умаляя заслуг посадника Павла, являвшегося непосредственным распорядителем работ, недвусмысленно указал (в отличие от автора НПЛМ) на их совместный с князем характер. Ему же принадлежит правка, внесенная в текст Варяжской легенды.

Автор новой редакции ПВЛ работал во времена, когда во властных структурах Новгорода уже назревали тектонические сдвиги, сдерживаемые, до поры, только личным авторитетом князя Мстислава Владимировича. Рассмотрим теперь, что же было добавлено новым редактором в текст Варяжской легенды?

В первую очередь, новым явилось само упоминание Ладоги в контексте сказания о Рюрике. В новой версии она предстает не просто, как пункт остановки князя в пути, а как первый город, где Рюрик «сел на столе». Если для Ярослава Мудрого 100 лет назад было важно представить Изборск и Белоозеро выморочными владениями братьев Рюрика, законно унаследованными им и его потомками, то в обновленном тексте таким важнейшим наследством предстает Ладога. Здесь содержится прямое указание на исконную принадлежность этого города правящему княжескому роду — наследникам Рюрика. Для Мстислава Владимировича, как князя новгородского, последнее было очень актуально — на фоне претензий новгородской аристократии распоряжаться новой каменной крепостью самостоятельно.

Существенным дополнением стало и то, что в новой версии Ладога предстает, как город, расположенный в области расселения словен: «...И придоша к Словѣном пѣрвѣ, и срубиша город Ладогу. И сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрик...»⁸². Из данного текста, писавшегося для современников, недвусмысленно следует: в начале XII в. насельники нижнего Поволховья считали себя в основе словенами.

И «новгородская», и «ладожская» версии Варяжской легенды содержат прямые указания на присутствие в городской аристократической среде Верхней Руси каких-то групп

⁸⁰ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70, № 8. С. 680–681.

⁸¹ Творогов О. В. Литература Киевской Руси. X – начало XII века // История русской литературы: В 4 т. Т. 1. Л., 1980. С. 41.

⁸² ПСРЛ. Т II. М., 1998. Стб. 14.

с двойной идентичностью, помнивших о своем происхождении «от рода варяжска»: «...и по тѣмъ городомъ суть находницѣ Варязи, пѣрвѣи насѣльници в Новѣгородѣ Словенѣ, Польшескѣ Кривичи, Ростовѣ Меряне...» и т. д.⁸³ «От рода варяжска» — так никогда не называли себя современники Олега и Игоря, какие бы замысловатые «заморские» имена они ни носили. И в начале, и в середине X в., заключая договора с греками, древнерусская знать идентифицировала себя совершенно однозначно: «Мы от рода русского...»⁸⁴ Вероятно, в начале XI в., когда создавалась Варяжская легенда, двойную идентичность сохраняли только недавние иммигранты — первое-второе поколение воинов-скандинавов, служивших отцу Ярослава, его братьям и ему самому. Если учесть, что эпоха Владимира — раннего Ярослава была временем постоянных войн и усобиц, таких варягов, осевших в Верхней Руси, вероятно, было немало.

100 лет спустя, в эпоху Мономаха, ситуация заметно изменилась. Но именно в Новгороде сохранялась влиятельная группа, помнившая о своем происхождении «от рода варяжска». Это были знатные потомки ярлов Рёгнвальда и Эйлива, наместников Ладоги в первой половине XI в. Они полностью адаптировались на русской почве, влились в состав новгородского боярства, но, конечно, не забывали о своем родстве с несколькими королевскими домами Северной Европы⁸⁵. К ним, в первую очередь, и было обращено напоминание (на тот момент — уже явно запоздалое!), что Ладога — город-ключ на пути из Приильменя на Балтику и обратно — это город словен, где когда-то сел на княжение Рюрик. И только князю Рюрикова рода, а не «находникам», принадлежит там легитимная верховная власть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ устных источников, географической номенклатуры и хронологии двух разных изводов Варяжской легенды в Начальной летописи позволяет выявить смыслы, которые несли в себе тексты ее первичной (начала XI в.) и редакторской (начала XII в.) версий. Оба варианта являются, в первую очередь, источниками по истории тех периодов, когда они создавались, и многое дают для их характеристики. Но ни тот, ни другой рассказ нельзя рассматривать как непосредственное отражение событий IX в. в Верхней (Северной) Руси.

Эпическая традиция, оставшаяся во времена Ярослава живой и популярной, отражала события не древнее рубежа IX–X в. (появление в среднем Поднепровье Олега и его война с Византией). Варяжская легенда заметно отличается от рассказов о первых русских князьях именно тем, что она не основывалась на эпической

⁸³ Там же. Стб. 14.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 32–33, 46.

⁸⁵ Молчанов А. А. 1) Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков, 1997. С. 80–84; 2) Новгородское боярство в X–XI вв. Славянский и скандинавский компоненты // Висы дружбы. М., 2011. С. 269–275; Мусин А. Е. К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. 2002. Вып. 16. С. 82–92; Гунтуис А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // Slavica Helsingiensia. 2006. Vol. 27. P. 93–108.

традиции. Это ученое сочинение начала XI в., призванное подтвердить княжеское происхождение Игоря Старого и эксклюзивные права его потомков на власть в Русской земле. В дальнейшем на основе этого текста в книжной культуре Руси сформировался логичный, приемлемый для своего времени исторический миф о прошлом и настоящем древнерусского социума.

Важной составляющей этого мифа стала легенда о легитимном призвании основателя династии Рюриковичей, вместе с его людьми, от которых, якобы, и пошла *русь*, предназначенная владеть и править в Восточной Европе. Параллельно автор попытался решить «в информационном поле» и некоторые текущие проблемы, такие, как обоснование прав новгородского князя на пограничные территории Белоозера и Изборска. Появление новой версии Варяжской легенды было приурочено к трудному, критическому моменту в отношениях между новгородской аристократией и князем Мстиславом. В 1113 г. его отец Владимир Мономах, неожиданно для всех, становится великим князем киевским. После этого уход из Новгорода Мстислава — признанного наследника своего отца — стал лишь вопросом времени.

Тогда же, словно торопясь все успеть, Мстислав Владимирович затевает грандиозное строительство. Одновременно перестраиваются и Новгородский Кремль, и крепость в Ладоге, над которой всего девять лет назад, не без участия самого Мстислава, Новгород установил контроль. Именно здесь, в Ладоге, быть может, впервые столь откровенно проявляется соперничество и борьба новгородской аристократии со своим князем. Заслуга сооружения крепости в НПЛМ всецело приписывается ладожскому посаднику. Можно предположить, что боярские магистраты Новгорода претендуют на право распоряжаться крепостью самостоятельно — помимо князя и без него.

Вот в таком политическом контексте, по инициативе Мстислава Владимировича, создается новая редакция ПВЛ, очень благожелательная по отношению к его отцу и всему семейству Мономаховичей. В этой редакции Ладога вводится в текст Варяжской легенды, как стольный город Рюрика и неотъемлемое наследие его рода.

Вовсе необязательно подозревать летописца в целенаправленном сочинительстве. Поскольку Варяжская легенда (новгородского извода) была давно известна грамотным современникам, то в Ладоге, действительно, могли возникнуть рассказы, со ссылками на «очевидцев», «слышавших от стариков» и т. д., о том, что Рюрик, на пути к Новгороду, останавливался здесь (а возможно, и княжил). Это подсказывалось самим географическим положением города. В других обстоятельствах легенда канула бы в Лету, как и подавляющее большинство аналогичных топонимических преданий. Но в создавшейся политической атмосфере произошла неожиданная актуализация этого рассказа. Она показалась настолько важной, что была востребована и включена в общерусскую летопись.

Информация о статье

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-18-00515 «Формирование ранней городской структуры и культурного ландшафта Северной Руси на материале археологического комплекса Старой Ладоги» на базе ФГБУН Институт истории материальной культуры РАН.

Автор: Платонова, Надежда Игоревна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории материальной культуры, Российская Академия наук, Санкт-Петербург, Россия, Orc ID 0000-0003-1432-720X, Scopus ID 56511560400, SPIN-code 7744-3372; e-mail: niplaton@gmail.com

Заголовок: Древнерусская Ладога в контексте Варяжской легенды: Ревизия источников и интерпретаций

Резюме: В основе немногочисленных известий о Ладоге IX–X вв., содержащихся в Начальной летописи, просматриваются эпические и топонимические предания. Первое известие обнаруживается под 862 г. в списках Повести временных лет Ипатьевской традиции в тексте Варяжской легенды «ладожского» извода. Второе упоминание Ладоги содержится в Новгородской первой летописи младшего извода под 922 г. в сообщении о смерти князя Олега Вещего и его могиле, сохранившейся там. Политическая актуальность обоих известий в историческом контексте XI – начала XII в. прослеживается отчетливо. В статье рассмотрены проблемы источников, смыслов, жанра и хронологии различных изводов Варяжской легенды в Начальной летописи. Кратко охарактеризованы типы устных источников, лежащих в основе древнейших летописных текстов, и культурные механизмы сохранения и передачи информации о прошлом в древнерусском социуме. Автор поддерживает гипотезу Н. В. Лопатина об историческом контексте возникновения «новгородской» версии легенды в начале XI в. Особое внимание в статье уделено хронологии «ладожской» версии и политической ситуации, ее породившей, а также проблеме наличия в Ладоге княжеского стола в IX–X вв. Автор продемонстрировала, что и первоначальная версия Варяжской легенды, и ее редакторский вариант являются, в первую очередь, источниками по истории того периода, когда они создавались. Нельзя рассматривать ни одну версию — «новгородскую» или «ладожскую» — как непосредственное отражение событий IX в. Тем не менее, данный текст содержит в опосредованном виде значимую информацию о раннем этапе древнерусской истории, которая может быть извлечена аналитическим путем.

Ключевые слова: раннесредневековая Ладога, Варяжская легенда, устное предание, Начальная летопись, письменные и археологические источники

Литература, использованная в статье:

Бобров, Александр Григорьевич; Николаев, Сергей Львович; Чернов, Андрей Юрьевич. Комментарии к Повести временных лет // Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2012. С. 213–382.

Гайдуков, Пётр Григорьевич; Калинин, Виталий Александрович. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 402–435.

Гиппиус, Алексей Алексеевич. Скандинавский след в истории новгородского боярства (В развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // Slavica Helsingiensia. 2006. Vol. 27: The slavization of the Russian North: Mechanisms and chronology. С. 93–108.
Гиппиус, Алексей Алексеевич. К проблеме редакций Повести Временных Лет // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44.

Гиппиус, Алексей Алексеевич. Новгород и Ладога в Повести временных лет // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2007. С. 213–220.

Гиппиус, Алексей Алексеевич. До и после Начального свода: Ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 37–63.

Губарев, Олег Львович. К вопросу об идентичности Рюрика и Рорика Фрисландского // Valla. 2016. Том 2. № 4–5. С. 9–25.

Губарев, Олег Львович. Структура власти на Руси в IX в. и «фризские даны» // Stratum plus. 2018. № 5. С. 155–168.

Губарев, Олег Львович. Рюрик Скъельдунг. Санкт-Петербург: Евразия, 2019. 320 с.

Губарев, Олег Львович. Между язычеством и христианством: Камерные погребения в империи франков, Хедебю и Старой Ладоге // Novogardia. 2021. № 1. С. 6–29.

Давидан, Ольга Ивановна. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 17. Ленинград: Аврора, 1976. С. 101–118.

Давидан, Ольга Ивановна. К вопросу об организации косторезного ремесла в древней Ладоге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 18. Санкт-Петербург: Аврора, 1977. С. 101–105.

- Джаксон, Татьяна Николаевна.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 779 с.
- Долгов, Вадим Викторович.* Мстислав Великий // Вопросы истории. 2018. № 4. С. 26–47.
- Жих, Максим Иванович.* О соотношении «новгородской» и «ладожской» версий сказания о призвании варягов в начальном русском летописании // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 24. 2018. С. 3–44.
- Кирпичников, Анатолий Николаевич.* Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Древняя Русь: Новые исследования / Ред. И. В. Дубов, И. Я. Фроянов. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1995. (Славяно-русские древности. Вып. 2). С. 28–53.
- Куза, Андрей Васильевич.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. Москва: Наука, 1975. С. 144–201.
- Кузьмин, Сергей Леонидович.* Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни? // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург, 2003. С. 45–57.
- Кулешов, Вячеслав Сергеевич.* Периодизация монетного обращения середины VIII – начала XI в. в Восточной Европе и динамика экономических связей древнейших русских дружин // Управленческое консультирование. 2016. № 2. С. 169–179.
- Кучкин, Владимир Андреевич.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. Москва: Наука, 1984. 349 с.
- Лебедев, Глеб Сергеевич.* Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 286 с.
- Лопатин, Николай Владимирович.* Некоторые вопросы истории фортификаций раннего Изборска // Краткие сообщения Института археологии. 2012. № 228. С. 213–220.
- Лопатин, Николай Владимирович.* К этногеографии Сказания о призвании варягов // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. Москва; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 286–292.
- Лопатин, Николай Владимирович.* Изборск и Варяжское сказание // Российская история. 2016. № 5. С. 124–139.
- Лушин, Виктор Глебович.* Рюрик // Древняя Русь в IX–XI веках: Контексты летописных текстов / Отв. ред. Е. П. Токарева. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2016. С. 11–31.
- Ляхницкий, Вячеслав Норильевич.* О конфликте князя Владимира с Ярославом // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 99–101.
- Макаров, Николай Андреевич.* К истории формирования ростово-суздальских владений на Севере // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура. Москва: Наука, 2009. С. 103–106.
- Макаров, Николай Андреевич.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. Москва: НИЦ «Скрипторий», 1997. 386 с.
- Мачинский, Дмитрий Алексеевич.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша: Связующие пути и организующие центры: VI чтения памяти А. Мачинской / Ред. Д. А. Мачинский. Санкт-Петербург: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 2002. С. 5–37.
- Мельникова, Елена Александровна.* Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. Москва: Индрик, 2008. С. 47–75.
- Мельникова, Елена Александровна; Петрухин, Владимир Яковлевич.* Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 44–57.
- Михайлов, Кирилл Алексеевич.* Погребение воина с конями на вершине плакунской сопки в долине на берегу в свете погребальных традиций эпохи викингов // Древности Поволжья / Ред. А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 1997. С. 105–116.
- Михайлов, Кирилл Алексеевич.* Элитарный погребальный обряд Древней Руси: Камерные погребения IX – начала XI века в контексте североевропейских аналогий. Санкт-Петербург: Издательский дом «Бранко», 2016. 272 с.

- Молчанов, Аркадий Анатольевич. Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Санкт-Петербург; Псков: Невельская типография, 1997. С. 80–84.
- Молчанов, Аркадий Анатольевич. Новгородское боярство в X–XI вв. Славянский и скандинавский компоненты // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 269–275.
- Мусин, Александр Евгеньевич. К истории некоторых боярских родов Великого Новгорода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. 2002. Вып. 16. С. 82–92.
- Мюллер, Людольф. Понять Россию: Историко-культурные исследования. Москва: Прогресс-Традиция, 2000. 432 с.
- Насонов, Арсений Николаевич. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Москва: Наука, 1951. 262 с.
- Николаев, Сергей Львович. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 7–54.
- Новое в археологии Старой Ладоги: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. И. Платонова, В. А. Лапшин. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры Российской академии наук; Невская Книжная Типография, 2018. (Труды Института истории материальной культуры Российской академии наук. Т. LIII). 536 с.
- Новое в археологии Старой Ладоги: Материалы и исследования. Т. II / Отв. ред. Н. И. Платонова. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2022. (Труды Института истории материальной культуры Российской академии наук. Т. LX). 732 с.
- Носов, Евгений Николаевич. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII–X в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Ленинград: Наука, 1976. С. 95–110.
- Носов, Евгений Николаевич. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования / Отв. ред. В. В. Седов. Ленинград: Наука, 1985. С. 147–155.
- Петров, Игорь Владимирович. Социально-политическая и финансовая активность на территории Древней Руси VIII–X вв.: Дисс. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 2006. 482 с.
- Петрухин, Владимир Яковлевич. Призвание варягов и кирилло-мефодиевская традиция // Славянский альманах 2012. Москва, 2013. С. 12–20.
- Петрухин, Владимир Яковлевич. Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 464 с.
- Платонова, Надежда Игоревна. Договоры Руси и Византии и социальные верхи русского общества X века // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 164–168.
- Платонова, Надежда Игоревна. Проблемы становления города в Северной Руси: История и современное состояние // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2. С. 109–134.
- Плохов, Алексей Вячеславович. Новое в изучении «хлебных» печей Рюрикова городища // Археологические вести. 2021. № 31. С. 41–51.
- Пузанов, Виктор Владимирович. От праславян к Руси: Становление Древнерусского государства (Факторы и образы политогенеза). Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2017. 752 с.
- Пчёлков, Евгений Владимирович. Происхождение древнерусских князей от Рюрика: Устная традиция или летописная конструкция? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011. Устная традиция в письменном тексте / Отв. ред. Г. В. Глазырина. Москва: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 418–433.
- Рябинин, Евгений Александрович; Черных, Наталья Борисовна. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного Городища в свете новых исследований // Советская археология. 1988. № 1. С. 72–100.
- Свердлов, Михаил Борисович. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. Санкт-Петербург: Академический проект, 2003. 735 с.
- Творогов, Олег Викторович. Литература Киевской Руси. X – начало XII века // История русской литературы: В 4 т. Т. 1. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. С. 19–61.
- Фомина, Татьяна Юрьевна. Русские епископии X–XIII вв.: Становление, развитие. Дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 2020. 518 с.

Хвоцинская, Наталия Вадимовна. Укрепления Рюрика города под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // Археологические вести. 2021. № 33. С. 107–120.

Янин, Валентин Лаврентьевич. У истоков новгородской государственности // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70, № 8. С. 675–681.

Ryabinin, Evgeniy; Galibin, Valentin. New data about the Early bead making in Ladoga // Glass beads. Cultural history. Technology. Proceeding of the Nordic Glass bead seminar 16–18 October 1992. Lejre. Studies in Technology and Culture. Vol. 2. Lejre: Historical-Archaeological Experimental Centre. 1995. P. 109–112.

Information about the article

This publication was prepared within the framework of a grant from Russian Science Foundation the № 23-18-00515 «Forming of the early urban structure and cultural landscape of Northern Rus' on the material of the Staraya Ladoga archaeological complex».

Author: Platonova, Nadezhda Igorevna — Dr. Sc. in History, Leading Researcher, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia, Orc ID 0000-0003-1432-720X, Scopus ID 56511560400, SPIN-code 7744-3372; e-mail: niplaton@gmail.com

Title: Old Russian Ladoga in the context of the Varangian legend: Revision of sources and interpretations

Summary: The Chronicles contain limited information about Ladoga in the 9th–10th centuries. Epic and toponymic legends are visible in these news. The first news is found under the year 862 in the copies of the «Povest' vremennykh let» of the Ipatiev tradition. It belongs to the text of the Varangian legend from the «Ladoga» version. The second news about Ladoga is discovered in 922. This year, the First Novgorod Chronicle reports the death of Prince Oleg the Prophet and his grave, preserved in Ladoga. The political relevance of both news in the historical context of the 11th–early 12th centuries can be clearly seen. An article by N. I. Platonova deals with the problems of sources, meanings, genre and chronology of various versions of the Varangian legend in the Primary Chronicle. The types of oral sources, which became the basis of the earliest texts, and the cultural mechanisms for the preservation and transmission of information about the past in the Old Russian society are briefly characterized. The author supports the N. Lopatin's hypothesis about the emergence of the «Novgorod» version in the early 11th century and its historical context. Particular attention is paid to the chronology of the «Ladoga» version and the political situation that gave rise to it, as well as the problem of the existence of a princely residence in Ladoga in the 9th–10th centuries. The article demonstrates that both the original and editorial versions of the Varangian legend are, first of all, sources for studying the history of the period when they were created. It is impossible to consider any of them — as a direct reflection of the 9th century events. Nevertheless, this text contains indirectly important information about the early stage of Old Russian history, which can be extracted analytically.

Keywords: early medieval Ladoga, Varangian legend, oral tradition, Primary Chronicle, written and archaeological sources

References:

Bobrov, Aleksandr Grigoryevich; Nikolaev, Sergey Lvovich; Chernov, Andrey Yurevich. Kommentarii k Povesti vremennykh let [Comments on the «Povest' vremennykh let»], in *Povest' vremennykh let*. Transl. by D. S. Likhacheva, O. V. Tvorogova. St. Petersburg: Vita Nova Publ., 2012. Pp. 213–382. (in Russian).

Gaidukov, Petr Grigoryevich; Kalinin, Vitaliy Aleksandrovich. Drevneyshiy russkiy monetnyy [Old Russian money], in *Rus v IX–X vekakh: Arkheologicheskaya panorama [Rus' in the 9th–10th centuries: Archaeological panorama]*. Ed. by N. A. Makarov. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa Publ., 2012. Pp. 402–435. (in Russian).

Gippius, Aleksey Alekseevich. Skandinavskiy sled v istorii novgorodskogo boyarstva (V razvitie gipotezy A. A. Molchanova o proiskhozhdenii posadnichego roda Gyuryatinichei-Rogovichei) [Scandinavian traces in the history of the Novgorod boyars (In the development of A. A. Molchanov's hypothesis about the origin of the Gyuryatinich-Rogovich family of the mayor)], in *Slavica Helsingiensia*. 2006. Vol. 27: The slavization of the Russian North: Mechanisms and chronology). Pp. 93–108. (in Russian).

Gippius, Aleksey Alekseevich. K probleme redaktsii Povesti Vremennykh Let [To the problem of the editorship of «Povest' vremennykh let»], in *Slavyanovedeniye*. 2007. № 5. Pp. 20–44. (in Russian).

Gippius, Aleksey Alekseevich. Novgorod i Ladoga v Povesti vremennykh let [Novgorod and Ladoga in the «Povest' vremennykh let»], in *U istokov russkoy gosudarstvennosti [At the origins of Russian statehood]*: Historical and archaeological collection. Eds. E. N. Nosov, A. E. Musin. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2007. Pp. 213–220. (in Russian).

- Gippius, Aleksey Alekseevich. Do i posle Nachalnogo svoda: Rannaya letopisnaya istoriya Rusi kak obyekt tekstologicheskoy rekonstruktsii [Before and after the Initial Code: Early chronicle history of Rus' as an object of textual reconstruction], in *Rus v IX–X vekakh: Arkheologicheskaya panorama [Rus' in the 9th–10th centuries: Archaeological panorama]*. Ed. by N. A. Makarov. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa Publ., 2012. Pp. 37–63. (in Russian).
- Gubarev, Oleg Lvovich. K voprosu ob identichnosti Ryurika i Rorika Frislandskogo [On the question of the identity of Rurik and Rorik of Friesland], in *Valla*. Tom 2. № 4–5. 2016. Pp. 9–25. (in Russian).
- Gubarev, Oleg Lvovich. *Ryurik Skeldung*. St. Petersburg: Evraziya Publ., 2019. 320 p. (in Russian).
- Gubarev, Oleg Lvovich. Mezhdii yazychestvom i khristianstvom: Kamernye pogrebeniya v imperii frankov, Khedebyu i Staroi Ladoge [Between language and Christianity: Chamber burials in the Frankish Empire, Hedeby and Staraya Ladoga], in *Novogardia*. 2021. № 1. Pp. 6–29. (in Russian).
- Davidan, Olga Ivanovna. Stratigrafiya nizhnego sloya Staroladozhskogo gorodishcha i voprosy datirovki [Stratigraphy of the lower layer of the Staraya Ladoga city and dating issues], in *The Archaeological collection of the State Hermitage Museum*. Vol. 17. Leningrad: Avrora Publ., 1976. Pp. 101–118. (in Russian).
- Davidan, Olga Ivanovna. K voprosu ob organizatsii kostoreznogo remesla v drevney Ladoge [On the question of the organization of bone-carving craft in ancient Ladoga], in *The Archaeological collection of the State Hermitage Museum*. Vol. 18. St. Petersburg: Avrora Publ., 1977. Pp. 101–105. (in Russian).
- Dzhakson, Tatyana Nikolaevna. *Islandskiy korolevskiy sagi o Vostochnoy Evrope [Icelandic royal sagas about Eastern Europe]*: Texts, translations, comments. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2012. 779 p. (in Russian).
- Dolgov, Vadim Viktorovich. Mstislav Velikiy [Mstislav the Great], in *Voprosy istorii*. 2018. № 4. Pp. 26–47. (in Russian).
- Fomina, Tatyana Yuryevna. *Russkiye episkopii X–XIII vv.: Stanovleniye, razvitiye [Russian bishopric of the 10th–13th centuries: Formation, development]*: Thesis ... Dr. Sc. in History. Kazan, 2020. 518 p. (in Russian).
- Khvoshchinskaya, Nataliya Vadimovna. Ukrepleniya Ryurikova gorodishcha pod Novgorodom v kontekste noveyshikh arkheologicheskikh izyskaniy [Fortifications of the Rurik settlement near Novgorod in the context of the latest archaeological research], in *Arkheologicheskiye vesti*. 2021. № 33. Pp. 107–120. (in Russian).
- Kirpichnikov, Anatoliy Nikolaevich. Ladoga VIII–X vv. i ee mezhdunarodniye svyazi [Ladoga in VIII–X centuries and its international connections], in *Drevnyaya Rus': Novye issledovaniya [Ancient Rus': New Research]*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 1995. (Slavyano-russkiye drevnosti. Vol. 2). Pp. 28–53. (in Russian).
- Kuza, Andrey Vasilevich. Novgorodskaya zemlya [Novgorod land], in *Drevnerusskie knyazhestva X–XIII vv. [The ancient Russian principality of the 10th–13th centuries]* Moscow: Nauka Publ., 1975. Pp. 144–201. (in Russian).
- Kuzmin, Sergey Leonidovich. Pozhary i katastrofy v Ladoge: 250 let nepreryvnoy zhizni? [Fires and disasters in Ladoga: 250 years of continuous life, is not it?], in *Ladoga — pervaya stolitsa Rusi. 1250 let nepreryvnoi zhizni [Ladoga is the first capital of Rus': 1250 years of continuous life]*: Memory reading to Anna Mashinskaya. St. Petersburg, 2003. Pp. 45–57. (in Russian).
- Kuleshov, Vyacheslav Sergeevich. Periodizatsiya monetnogo obrashcheniya serediny VIII – nachala XI v. v Vostochnoy Evrope i dinamika ekonomicheskikh svyazey drevneyshikh russkikh druzhin [A periodization of monetary circulation of mid-8th – early 11th centuries in Eastern Europe and the dynamics of economic relationships of the oldest Russian squads], in *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye [Administrative Consulting]*. 2016. № 2. Pp. 169–179. (in Russian).
- Kuchkin, Vladimir Andreyevich. *Formirovaniye gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. [Formation of the state territory of North-Eastern Rus' in the X–XIV centuries]*. Moscow: Nauka Publ., 1984. 349 p. (in Russian).
- Lebedev, Gleb Sergeevich. *Epokha vikingov v Severnoy Evrope: Istoriko-arkheologicheskiye ocherki [The Viking Age in Northern Europe: Historical and archaeological essays]*. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1985. 286 p. (in Russian).
- Lopatin, Nikolay Vladimirovich. Nekotorye voprosy istorii fortifikatsii rannego Izborska [Some questions of the history of fortifications of early Izborsk], in *Brief reports of the Institute of Archaeology*. 2012. № 228. Pp. 213–220. (in Russian).

- Lopatin, Nikolay Vladimirovich. K etnogeografii Skazaniya o prizvanii varyagov [On ethnogeography «Tales of the calls of the Varangians»], in *Goroda i vesi srednevekovoy Rusi: Arkheologiya, istoriya, kultura* [Cities and spaces of medieval Rus': Archeology, history, culture]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa Publ., 2015. Pp. 286–292. (in Russian).
- Lopatin, Nikolay Vladimirovich. Izborsk i Varyazhskoye skazanie [Izborsk and the Varangian legend], in *Rossiyskaya istoriya*. 2016. № 5. Pp. 124–139. (in Russian).
- Lushin, Viktor Glebovich. Rurik [Rurik], in *Drevnyaya Rus v IX–XI vekakh: Konteksty letopisnykh tekstov* [Ancient Rus' in the 9th–11th centuries: Contexts of chronicle texts]. Ed. by E. P. Tokareva. Zimovniki: Zimovnikovskiy krayevedcheskiy muzey Press, 2016. Pp. 11–31. (in Russian).
- Lyakhnitskiy, Vyacheslav Norilevich. O konflikte knyazya Vladimira s Yaroslavom [About the conflict between Prince Vladimir and Yaroslav], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seria: Istoriya. 2011. № 2 (14). Pp. 99–101. (in Russian).
- Makarov, Nikolay Andreevich. K istorii formirovaniya rostovo-suzdalskikh vladeniy na Severe [On the history of the formation of the Rostov-Suzdal possessions in the North], in *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov: Srednevekoviyе poseleniya i mogilniki na Kubenskom озере* [Archeology of a Northern Russian village from the 10th to the 13th centuries: Medieval settlements and burial grounds on Lake Kubenskoye]. T. 3: Paleoecological conditions, society and culture. Moscow: Nauka Publ., 2009. Pp. 103–106. (in Russian).
- Makarov, Nikolay Andreevich. *Kolonizatsiya severnykh okrain Drevney Rusi v XI–XIII vv.: Po materialam arkhelogicheskikh pamyatnikov na volokakh Belozerya i Poonezhya* [Colonization of the northern districts of Ancient Rus' in the 11th–13th centuries: Based on materials from archaeological sites on the portages of Belozerye and Poonezhye.]. Moscow: Research Center «Skriptorii» Publ., 1997. 386 p. (in Russian).
- Machinskiy, Dmitriy Alekseevich. Pochemu i v kakom smysle Ladogu sleduyet schitat pervoy stolitsey Rusi [Why and in what sense should Ladoga be considered the first capital of Rus'], in *Ladoga i Severnaya Evraziya ot Baykala do La-Mansha: Svyazuyushchiye puti i organizuyushchiye tsentry* [Ladoga and Northern Eurasia from Lake Baikal to the English Channel: Connecting paths and organizing centers]: VI readings in memory of A. Machinskaya. St. Petersburg, 2002. Pp. 5–37. (in Russian).
- Melnikova, Elena Aleksandrovna. Rurik i vozniknovenie vostochnoslavlyanskoi gosudarstvennosti v predstavleniyakh drevnerusskikh letopistsev XI – nachala XII v. [Rurik and the emergence of East Slavic statehood in the ideas of ancient Russian chroniclers of the 11th – early 12th centuries], in *Drevneishiyе gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2005 god. Ryurikovichi i rossiyskaya gosudarstvennost'* [The Ancient states of Eastern Europe. 2005. Rurikovichi and Russian statehood]. Moscow: Indrik, 2008. Pp. 47–75. (in Russian).
- Melnikova, Elena Aleksandrovna; Petrukhin, Vladimir Yakovlevich. Legenda o prizvanii varyagov i stanovleniye drevnerusskoy istoriografii [The legend about the calls of the Varangians and the formation of ancient Russian historiography], in *Voprosy istorii*. 1995. № 2. Pp. 44–57. (in Russian).
- Mikhaylov, Kirill Alekseevich. *Elitarniy pogrebalniy obryad Drevney Rusi: Kamernye pogrebeniya IX – nachala XI veka v kontekste severoyevropeyskikh analogii* [Elite funeral rite of Ancient Rus': Chamber burials of the 9th – early 11th centuries in the context of Northern European analogies]. St. Petersburg: Publishing House «Branko», 2016. 272 p. (in Russian).
- Mikhaylov, Kirill Alekseevich. Pogrebeniye voina s konyami na vershine plakunskoy sopkovidnoy nasypi v svete pogrebalnykh traditsiy epokhi vikingov [Burial of a warrior with horses on the top of the Plakun hill-like mound in the light of funeral traditions of the Viking Age], in *Drevnosti Povolkhovya* [Antiquities of the Volkhov region]. Eds. A. N. Kirpichnikov, E. N. Nosov. St. Petersburg: Institute of the history of material culture of the Russian academy of sciences Press, 1997. Pp. 105–116. (in Russian).
- Molchanov, Arkadiy Anatolyevich. Novgorodskoe boyarstvo v X–XI vv. Slavyanskiy i skandinavskiy komponenty [Novgorod boyars in the X–XI centuries. Slavic and Scandinavian components], in *Visy družby* [Stanzas of friendship]: Collection of articles in honor of T. N. Dzhackson. Moscow: Russian foundation for the promotion of education and science, 2011. Pp. 269–275. (in Russian).
- Molchanov, Arkadiy Anatolyevich. Yarl Regnvald Ulvsson i ego potomki na Rusi (O proiskhozhdenii ladozhsko-novgorodskogo posadnichego roda Rogovichei-Gyuryatinichei) [Yarl Rōgnvald Ulvsson and his descendants in Rus' (On the origin of the Ladoga-Novgorod mayor family of Rogovich-Gyuryatinich)], in *Pamyatniki stariny: Kontseptsii. Otkrytiya. Versii* [Monuments of antiquity: Concepts. Discoveries. Versions]. St. Petersburg; Pskov: Nevelskaya Press, 1997. Pp. 80–84. (in Russian).

- Musin, Aleksandr Evgenyevich. K istorii nekotorykh boyarskikh rodov Velikogo Novgoroda [On the history of some boyar families of Veliky Novgorod], in *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: Istoriya i arkhologiya* [Novgorod and Novgorod land: History and archeology]. 2002. Vol. 16. Pp. 82–92. (in Russian).
- Myuller, Lyudolf. *Ponyat Rossiyu: Istoriko-kulturnye issledovaniya* [Understanding Russia: Historical and cultural studies]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2000. 432 p. (in Russian).
- Nasonov, Arseniy Nikolaevich. «Russkaya zemlya» i obrazovaniye territorii Drevnerusskogo gosudarstva: Istoriko-geograficheskoye issledovaniye [«Russian land» and the formation of the territory of the Old Russian state: Historical and geographical research]. Moscow: Nauka Publ., 1951. 262 p. (in Russian).
- Nikolaev, Sergey L'vovich. K etimologii i sravnitel'no-istoricheskoy fonetike imen severogermanskogo (skandinavskogo) proiskhozhdeniya v «Povesti vremennykh let» [On the etymology and comparative-historical phonetics of names of North Germanic (Scandinavian) origin in the «Povest' vremennykh let»], in *Voprosy onomastiki* [Questions of Onomastics]. 2017. T. 14. № 2. Pp. 7–54. (in Russian).
- Novoye v arkhologii Staroy Ladogi: Materialy i issledovaniya* [New in the archeology of Staraya Ladoga: Materials and research]. Eds. N. I. Platonova, V. A. Lapshin. St. Petersburg: Institute of the history of material culture of the Russian academy of sciences Press; Nevskaya knizhnaya tipografiya Press, 2018. (Proceedings of the Institute of the history of material culture of the Russian academy of sciences. T. LIII). 536 p. (in Russian).
- Novoye v arkhologii Staroy Ladogi: Materialy i issledovaniya* [New in the archeology of Staraya Ladoga: Materials and research]. T. II. Ed. by N. I. Platonova. St Petersburg: Institute of the history of material culture of the Russian academy of sciences Press, 2022. (Proceedings of the Institute of the history of material culture of the Russian academy of sciences. T. LX). 732 p. (in Russian).
- Nosov, Evgeniy Nikolaevich. Numizmaticheskiye dannye o severnoy chasti baltiysko-volzhskogo puti kontsa VIII–X vv. [Numismatic data on the northern part of the Baltic-Volga route at the end of the 8th–10th centuries], in *Vspomogatelnye istoricheskiye distsipliny* [Auxiliary historical disciplines]. T. VIII. Leningrad: Nauka Publ., 1976. Pp. 95–110. (in Russian).
- Nosov, Evgeniy Nikolaevich. Sopkovidnaya nasyp bliz urochishcha Plakun v Staroy Ladoge [A hill-like mound near the Plakun tract in Staraya Ladoga], in *Srednevekovaya Ladoga: Novye arkhologicheskiye otkrytiya i issledovaniya* [Medieval Ladoga: New archaeological discoveries and research]. Ed. by V. V. Sedov. Leningrad: Nauka Publ., 1985. Pp. 147–155. (in Russian).
- Pchyelov, Evgeniy Vladimirovich. Proiskhozhdeniye drevnerusskikh knyazei ot Rurika: Ustnaya traditsiya ili letopisnaya konstruktsiya? [The origin of ancient Russian princes from Rurik: Oral tradition or chronicle construction?], in *Drevneishie gosudarstva Vostochnoy Evropy* [The most ancient states of Eastern Europe]. 2011. Oral tradition in written text. Ed. by G. V. Glazyrina. Moscow: Russian foundation for the promotion of education and science, 2013. Pp. 418–433. (in Russian).
- Petrov, Igor Vladimirovich. *Sotsial'no-politicheskaya i finansovaya aktivnost' na territorii Drevney Rusi VIII–X vv.* [Socio-political and financial activity on the territory of Ancient Rus' in the 8th–10th centuries]. Thesis Dr. Sc. in History. St. Petersburg, 2006. 482 p. (in Russian).
- Petrukhin, Vladimir Yakovlevich. Prizvaniye varyagov i kirillo-mefodievskaya traditsiya [The calling of the Varangians and the Cyril and Methodius tradition], in *Slavyanskiy almanakh 2012* [Slavic almanac. 2012]. Moscow, 2013. Pp. 12–20. (in Russian).
- Petrukhin, Vladimir Yakovlevich. *Rus' v IX–X vv. Ot prizvaniya varyagov do vybora very* [Rus' in the 9th–10th centuries. From the calling of the Varangians to the choice of faith]. 2nd ed. Moscow: FORUM Publ.; NEOLIT Publ., 2014. 464 p. (in Russian).
- Platonova, Nadezhda Igorevna. Dogovory Rusi i Vizantii i sotsialniye verkhi russkogo obshchestva X veka [Treaties between Rus' and Byzantium and the social elite of Russian society in the 10th century], in *Stratum plus*. 1999. № 5. Pp. 164–168. (in Russian).
- Platonova, Nadezhda Igorevna. Problemy stanovleniya goroda v Severnoy Rusi: Istoriya i sovremennoe sostoyaniye [Problems of city formation in Northern Rus': History and current state], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2. Pp. 109–134. (in Russian).
- Plokhov, Aleksey Vyacheslavovich. Novoe v izuchenii «khlebnikh» pechei Ryurikova gorodishcha [New in the study of «bread» ovens of the Rurik settlement], in *Arkhologicheskiye vesti* [Archaeological news]. 2021. № 31. Pp. 41–51. (in Russian).
- Puzanov, Viktor Vladimirovich. *Ot praslavyan k Rusi: Stanovlenie Drevnerusskogo gosudarstva* (Faktery i obrazy politogeneza) [From the Proto-Slavs to Rus': The formation of the Old Russian state (Factors and images of political genesis)]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2017. 752 p. (in Russian).

Ryabinin, Evgeniy Aleksandrovich; Chernykh, Natalya Borisovna. Stratigrafiya, zastroyka i khronologiya nizhnego sloya Staroladozhskogo Zemlyanogo Gorodishcha v svete novykh issledovaniy [Stratigraphy, development and chronology of the lower layer of the Staraya Ladoga Zemlyanoy Settlement in the light of new research], in *Soviet Archaeology*. 1988. № 1. Pp. 72–100. (in Russian).

Ryabinin, Evgeniy; Galibin, Valentin. New data about the Early bead making in Ladoga, in *Glass Beards. Cultural History. Technology*. Proceeding of the Nordic Glass bead seminar, 16–18 October 1992. Lejre. Studies in Technology and Culture. Vol. 2. Lejre: Historical-archaeological experimental centre. 1995. Pp. 109–112. (in English).

Sverdlov, Mikhail Borisovich. *Domongolskaya Rus. Knyaz i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoy trety XIII v. [Pre-Mongol Rus'. Prince and princely power in Rus' VI – first third of the XIII century]* St. Petersburg: Akademicheskii proyekt Publ., 2003. 735 p. (in Russian).

Tvorogov, Oleg Viktorovich. Literatura Kiyevskoy Rusi. X – nachalo XII veka [Literature of Kievan Rus. X – beginning of the XII century], in *Istoriya russkoy literatury [History of Russian literature]*: In 4 t. T. 1. Leningrad: Nauka, Leningrad department Publ., 1980. Pp. 19–61. (in Russian).

Yanin, Valentin Lavrentyevich. U istokov novgorodskoy gosudarstvennosti [At the origins of Novgorod statehood], in *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian academy of sciences]*. 2000. T. 70, № 8. Pp. 675–681. (in Russian).

Zhikh, Maksim Ivanovich. O sootnoshenii «novgorodskoy» i «ladozhskoy» versii skazaniya o prizvanii varyagov v nachalnom russkom letopisanii [On the relationship between the «Novgorod» and «Ladoga» versions of the legend about the calling of the Varangians in the initial Russian chronicles], in *Vestnik «Alyans-Arkeo»*. Vol. 24. 2018. Pp. 3–44. (in Russian).